

экономических и общественных отношениях. Как многослойная специфичная категория, интеллектуальная собственность, по мнению Б. Леонтьева, обладает следующими семью функциями: технологической, правовой, экономической, психологической, социологической и общеорганизационной [11, с. 26-27]. В связи с этим интеллектуальная собственность в качестве объекта комплексного управления на предприятии рассматривается Б. Леонтьевым как средство:

наделения товара особыми потребительскими свойствами (техническая функция);

обеспечения технологического превосходства над конкурентами (технологическая функция);

обеспечения высокой и стабильной правовой защищенности бизнеса, включая средства индивидуализации юридического лица (правовая функция);

экономического управления капиталом с целью устойчивого извлечения сверхприбылей и наращивания его стоимости (экономическая функция);

идентификации бизнеса в сознании потребителя на основе бренд-стратегии (социологическая функция);

формирования высокой корпоративной культуры индивидуального и массового творчества в конкретной бизнес-среде (психологическая функция);

интеграции вышеназванных функций (общеорганизационная функция).

Подчеркивая особый новаторский подход Б. Леонтьева к проблеме интеллектуальной собственности с точки зрения экономических и общественных отношений, автор считает, что перечень функций интеллектуальной собственности можно углубить и продолжить.

Отмечая особое экономическое значение интеллектуальной собственности в условиях современной инновационной политики, Е. Яковлева определяет интеллектуальную собственность как формализованную информацию (знание), которая в виде интеллектуально-информационных ресурсов и продуктов является неотъемлемой частью интеллектуального капитала субъектов и позволяет последним экономически выгодно и целесообразно использовать собственный интеллектуальный потенциал [20, с. 67].

Таким образом, приведенные выше многочисленные теоретические варианты понимания «интеллектуальной собственности» и содержащиеся в них представления о данном феномене свидетельствуют о сложности рас-

сматриваемой проблемы, а также необходимости ее дальнейшего изучения и осмысления.

1. Анурин В.Ф. Интеллект и социум. Введение в социологию интеллекта: Монография. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 1997. .

2. Барякин В.Н. Истоки общественного прогресса: Философское исследование интеллектуальной собственности. – Н. Новгород, 2005.

3. Венгеров А. Правовой узел современности // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 23-33.

4. Гальперин Л., Михайлова Л. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа // Советское государство и право. – 1991. – № 12. – С. 37.

5. Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 3-15.

6. Гордиевич Т. Проблемы «спецификации» прав интеллектуальной собственности работника и инновационная экономика // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 9. – С. 30-34.

7. Захарова Л.Н. Собственность как ценность и ценность собственности: Монография. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1997. – 136 с.

8. Исупов К. Дух собственности и собственность духа. // К. Исупов, И. Савкин. Русская философия собственности (XVII-XX вв.). – СПб.: СП «Ганза», 1993. – С. 452-465.

9. Кейзеров Н. Духовное имущество как комплексная проблема // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 16-22.

10. Корчагин А.Д. Интеллектуальная собственность – что это такое? // Справочник. Инженерный журнал. – 1998. – № 2. – С. 39-41.

11. Леонтьев Б. Семь функций промышленной собственности в управлении бизнесом // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 3. – С. 22-39.

12. Ломакин Д.В. Определение интеллектуальной собственности. // I международная Нижегородская ярмарка идей. XXVI академ. симпозиум «Интеллектуальная собственность в информационном обществе». – Н. Новгород, 1998. – С. 50-52.

13. Министерство общего и профессионального образования РФ. Серия «Инновационная деятельность» – Вып. 9: Справочно-методические материалы. – СПб., 1996.

14. Оконская Н.К. Интеллектуальная собственность: социально-философское обоснование. – Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 1998.

15. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность как объект философского исследования. // Вестник МГУ. Сер. 7 «Философия». – 1997. – № 1. – С. 31-48.

16. Рассудовский В.А. Проблемы правового регулирования инновационной деятельности в условиях рыночной экономики // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 60-69.

17. Розов Б., Бромберг Г. Результаты науки и интеллектуальная собственность // Интеллектуальная собственность. – 1997. – № 3-4. – С. 19-25.

18. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. – М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001.

19. Ульяничев С. Под международной защитой // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 34-44.

20. Яковлева Е. Терминологический базис инновационной экономики: теория и практика // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 4. – С. 60-68.

Г.Г. Харьковская

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (Сообщение 2)

The article deals with the intellectual property in the aspects of the philosophy and law.

Вернемся к истории возникновения термина «интеллектуальная собственность». В российское законодательство «интеллектуальная собственность» попала на волне возрождения капиталистических отношений. Однако будучи закрепленным в Конституции РФ и в Гражданском кодексе РФ, этот термин всякий раз, когда используется специалистами, непосредственно осуществляющими практическую деятельность в данной сфере, сопровождается существенными замечаниями, подчеркивающими его неопределенность и даже абстрактность. Так, А.Н. Козырев отмечал собирательный характер интеллектуальной собственности, поскольку в конкретных ситуациях приходилось иметь дело уже не с абстрактным понятием, отно-

сительно которого в законодательстве почти ничего не сказано, а с целым набором специальных законов [6, с. 22], с «постоянно пополняемой системой правовых норм, устоявшихся правил и стереотипов поведения» [6, с. 14].

Понятие «интеллектуальная собственность» впервые введено Конвенцией об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), принятой в Стокгольме 14 июля 1967, участницей которой на правах правопреемника СССР является Россия. Объектами права интеллектуальной собственности являются: литературные, художественные произведения и научные труды; исполнительская деятельность артистов, звукозаписи, радио- и телепередачи; изобретения во всех областях человеческой деятельности; научные открытия; промышленные образцы; товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и коммерческие обозначения; пресечение недобросовестной конкуренции, иные права, вытекающие из интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях [5]. Страны – члены ВОИС сами определяют круг охраняемых объектов интеллектуальной собственности.

Литературные, художественные произведения и научные труды охраняются авторским правом; исполнительская деятельность артистов – правами, смежными с авторским. Изобретения, промышленные образцы, товарные знаки и знаки обслуживания, коммерческие наименования и обозначения являются объектами промышленной собственности как вида интеллектуальной собственности и охраняются нормами патентного права. Защита от недобросовестной конкуренции также рассматривается как объект промышленной собственности. Научные открытия не относятся ни к авторскому, ни к патентному праву, поскольку с ними не связаны какие-либо исключительные права.

Отношение к понятию интеллектуальной собственности в отечественном законодательстве и научной доктрине было неоднозначным. Законодательство дореволюционной России первоначально относило права на творческие произведения к праву собственности. Затем в таком подходе усмотрели попытку подвести права авторов и изобретателей под вещное право, и общепринятым стало мнение в пользу употребления в законодательстве термина «исключительные права». Опустив слово «собственность», подчеркнули, что само понятие «интеллектуальная собственность» принципиально отлично от вещного права, права на имущество, что это особое личное имущество, идеальная субстанция. Что же касается советского периода, то здесь понятие интеллектуальной собственности решительно отвергалось и не употреблялось в юридической доктрине по сугубо идеологическим установкам, связанным с отрицанием самого права частной собственности; в литературе оно использовалось лишь при освещении вопросов международного сотрудничества и правовой охраны творческой деятельности в капиталистических странах. Более того, подчеркивая буржуазную сущность института интеллектуальной собственности, советская научная доктрина обосновывала положение, при котором автор не признавался полноценной юридической фигурой и не являлся собственником продукта своего творческого труда. Изобретение охранялось не патентом, закрепляющим монопольное право автора на использование новшества, а авторским свидетельством, призванным всецело обеспечить исключительное право государства на использование изобретения. Автор произведения науки, литературы и искусства мог использовать его только через соответствующую «социалистическую организацию», право которой не рассматривалось как переданное ей собственное правомочие автора. Все это объяснялось необходимостью правильного сочетания интересов общества и личности, назначением права в социалистическом обществе. Исторический опыт показал, что подобная система исчерпала себя. С переходом к рыночной экономике результаты интеллектуальной деятельности необходимо было включить в сферу товарного обращения и распространить на них режим интеллектуальной собственности.

Права, относимые к нематериальным объектам, представляющим собой результаты интеллектуальной деятельности, и приравненные к ним средства индивидуализации продукции и товаропроизводителя, традиционно входят в структуру гражданского права, поскольку имеют адекватную имущественную ценность. Однако примыкая к гражданскому праву, они все же не составляют его органической части и во многом развиваются на собственной автономной основе. Все это отражено и в структуре российского законодательства об интеллектуальной собственности. Конституция РФ (п. «о» ст. 71) устанавливает, что в ведении Российской Федерации находятся гражданское законодательство и, наряду с ним, правовое регулирование интеллектуальной собственности. Тем самым подчеркивается известная обособленность правового регулирования интеллектуальной собственности от традиционных институтов вещного и обязательственного права [7].

В обобщенном виде содержание понятия «интеллектуальная собственность» раскрывается в ст. 138 ГК РФ, которая имеет системообразующее значение. Она содержит общую норму о признании исключительного права (интеллектуальной собственности) гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, продукции, выполняемых работ или услуг. Кроме того, в ней говорится, что использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые являются объектом исключительных прав, может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя. Заложена здесь идея авторской монополии позволяет правообладателю свободно распоряжаться принадлежащим ему исключительным правом, в т.ч. уступать его другому лицу либо выдавать разрешение (лицензию) на использование исключительного права.

В конце прошлого века была создана законодательная база правового регулирования интеллектуальной собственности РФ: Патентный закон РФ, 1992; Закон РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», 1992; Закон РФ «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», 1992; Закон РФ «О правовой охране топологий интегральных микросхем», 1992; Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах», 1993; Закон РФ «О селекционных достижениях», 1993.

Кроме того, имелось множество нормативных правовых актов о пошлинах за патентование и регистрацию соответствующих объектов промышленной собственности, о порядке и правилах составления и подачи заявок на регистрацию тех или иных объектов, о рассмотрении заявок и выдаче охраняемых документов, о минимальных ставках авторского вознаграждения и др.

Введение части IV ГК РФ (с 1 января 2008 г.), по мнению некоторых специалистов (В.И. Еременко, Б.С. Сергеев, Г. Зарубинский, М. Романова, Б.К. Усачев, В. Форстман, И.С. Мухамедшин, Н.Л. Сенникова, В.А. Щербинина, Г.К. Малышева, А.Л. Зильберборд, О.В. Ревинский и др.), не решило всех проблем правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. А термин «интеллектуальная собственность» использован лишь дважды в единственной ст. 1225 ГК РФ [2].

Согласно ст. 2 (viii) Конвенции, учреждающей ВОИС, интеллектуальная собственность включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям, изобретениям, промышленным образцам, товарным знакам... а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях. То есть интеллектуальная собственность, по положениям ВОИС, – это права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, а не сами результаты и средства, считает В.И. Еременко [4, с. 2]. Ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации, часть IV (последняя редакция, принятая Государственной Думой 24 ноября 2006 г.) определяет охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг (интеллектуальную собственность) следующим перечнем: произведения науки, литературы, искусства; программы для ЭВМ; базы данных; исполнения; фонограммы; вещание организацией эфирного или кабельного вещания; изобретения; полезные модели; промышленные образцы; селекционные достижения; топологии интегральных микросхем; секреты производства (ноу-хау); фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; наименования мест происхождения товаров; коммерческие обозначения [2].

Таким образом, по мнению В.И. Еременко, законодатель отождествляет интеллектуальную собственность с результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации, чем искажает часть IV ст. 15 Конституции РФ, в которой закреплен принцип приоритета норм международного договора РФ перед нормами национального права, содержание понятия «интеллектуальная собственность» [4, с. 6]. Вместе с тем В.И. Еременко согласен с отнесением к ведению Российской Федерации интеллектуальной собственности в качестве обособленной сферы правового регулирования, поскольку она имеет комплексный характер, включая в себя совокупность норм административного, гражданского и трудового права. Для устранения противоречий законодательства в сфере интеллектуальной собственности он предлагает принять отдельный от ГК РФ кодификационный акт, – например, Кодекс интеллектуальной собственности [4, с. 5].

Принятие части IV ГК РФ, по мнению В.И. Еременко, знаменует собой вытеснение термина «интеллектуальная собственность» из российского законодательства. В свою очередь О.В. Ревинский, разделяя взгляды В.А. Дозорцева [3], доказывает необходимость и правомерность вновь введенного в часть IV ГК РФ понятия «интеллектуальные права» [8, с. 39-52].

О. Ревинский считает, что интеллектуальная собственность – это именно результаты интеллектуальной деятельности либо средства индивидуализации. Это могут быть, например, картина, рукопись романа или симфонии, изобретение, товарный знак, но не тот холст, на котором нарисована картина, и не та бумага, на которой написан роман, и уж тем более не те машина или вещество, в которых воплощено изобретение. Картина – это, прежде всего, сюжет и его воплощение изобразительными средствами, т.е. цветами, формами и их компоновкой (не красками, которые служат лишь средствами, с помощью которых художник доносит до зрителя то, что хочет выразить своей картиной). Роман – это тоже сюжет, но воплощенный языковыми средствами, т.е. фразами, речевыми оборотами, метафорами (не буквами! Они лишь своего рода код, с помощью которого автор может донести до читателя эти языковые средства). Изобретение или полезная модель – техническая идея, воплощенная в машине или веществе, т.е. указание специалисту, как нужно сделать машину или изготовить вещество. Вот эти-то идеальные результаты и считаются (при условии предоставления им правовой охраны) интеллектуальной собственностью. А интеллектуальные права – формальное узаконение возможности для создателя картины, романа или изобретения использовать результат своей интеллектуальной деятельности и распоряжаться им единолично, никого не спрашивая.

Интеллектуальное право всегда вторично по отношению к любому результату интеллектуальной деятельности или средству индивидуализации, ведь если интеллектуальная деятельность не завершается каким-либо результатом, то о каких интеллектуальных правах можно говорить? Так что введение понятия «интеллектуальные права» представляется весьма прогрессивным и своевременным, считает О. Ревинский [8, с. 40-41]. Именно понятие «интеллектуальные права» естественным образом характеризует все права, связанные с интеллектуальной собственностью, охватывая как исключительное право, так и личные неимущественные (а также иные) права.

Разделяя взгляды В.И. Еременко по вопросам терминологических проблем и мозаичности структуры современного законодательства в сфере интеллектуальной собственности, В. Форстман рассматривает возможность создания полноценной системной конструкции цивилистических норм в рамках кодекса, основанной на общей теории собственности на материальные и нематериальные объекты, которая обосновывает систему общих и частных

терминов и рассматривает право собственности как единую композицию «материальных» и «нематериальных» норм. По мнению В. Форстмана, эта теория должна называться «Общая правовая теория собственности» [10, с. 21] и основываться на предложенной Г.В.Ф. Гегелем философии права [1], где понятие «вещь» связывается не с ее материальностью, а с такими свойствами как способность существовать независимо от субъекта права, как возможность отчуждаться от него и способность к обороту [10, с. 26]. В общем философском подходе В. Форстман отождествляет понятия «духовный» и «интеллектуальный».

Имеющий идеальную основу объект интеллектуальной собственности является непосредственным продуктом человеческого интеллекта, а последний неразрывно связан с внутренней сущностью, разумом и телом (мозгом) человека и неотделим от него. Поэтому, чтобы объект интеллектуальной собственности мог стать чем-то внешним по отношению к создателю и обрести способность к отчуждению, он должен прежде всего быть воплощенным в какой-то материальной форме. Следуя логике, любые объективированные знания и умения или облеченные в слова мысли могут рассматриваться как внешние по отношению к своему духовному собственнику, способные к отчуждению и обороту, т.е. вещные.

Возможно, что такой общий философский подход к проблемам материальной и духовной (интеллектуальной) собственности (вместе с экономическим) сыграет определенную роль в дальнейшем развитии теоретических и практических аспектов феномена интеллектуальной собственности..

Используя концептуальный подход к праву интеллектуальной собственности, Н.Л. Сенникова признает отношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности собственностью и конкретизирует юридическое содержание правомочий владения, пользования и распоряжения правообладателей на объекты интеллектуальной собственности [9]. Она ставит вопрос о необходимости определения юридического содержания IV части ГК РФ, а также о разработке правового механизма правоприменения, так как от этого во многом зависит модернизация современных информационно-индустриальных рыночных отношений и формирование инновационной экономики России. По ее мнению, объективно интеллектуальная собственность – это совокупность правоотношений авторов, правообладателей по поводу реализации субъективных исключительных имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации в случаях, предусмотренных законом и/или договором, признания личных неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности [9, с. 26].

Итак, понятие «интеллектуальная собственность» легко критиковать, оспаривая его право на существование. С одной стороны, нельзя отождествлять правовой режим материальных вещей и нематериальных объектов, какими являются по сути авторские произведения и различные технические новшества. В отличие от права собственности, которое в принципе бессрочно и не подвержено каким-либо территориальным ограничениям, права авторов, изобретателей и их правопреемников изначально ограничены во времени и пространстве. Авторские и патентные права защищаются с помощью иных правовых средств по сравнению с теми, которые применяются для защиты права собственности. Право на творческий результат неразрывно связано с личностью его создателя. С другой стороны, речь в данном случае идет о собственности особого рода, которая требует специального регулирования. Ввиду ее нематериального характера объектами права собственности владельцев патентов, субъектов авторского права и товарных знаков являются неосозаемые и бестелесные вещи. Поэтому права авторов, изобретателей,

патентообладателей и т.д. должны быть признаны правами особого рода, находящимися вне классического деления гражданских прав на вещные, обязательственные и личные.

Таким образом, можно выделить две основные концепции теории интеллектуальной собственности с позиций признания (или непризнания) ими юридически значимых аналогий между интеллектуальными правами и правами собственности на материальные объекты. Это «идеальная» и «вещная» концепции, рассматривающие проблему с полярных позиций. Можно условно выделить и третью концепцию, безразличную к указанным аналогиям. Сразу следует оговориться, что взгляды специалистов в различных областях интеллектуальной собственности, рассмотренные здесь, не могут быть без оговорок отнесены только к одной из трех обозначенных выше концепций.

«Идеальная» концепция базируется на примате особой правовой природы прав на результаты интеллектуальной деятельности и специфическом характере связанных с этими правами правоотношений. В рамках этой теории, как мы видим, обычно отрицается правомерность использования самого термина «право интеллектуальной собственности», оно заменяется понятиями «интеллектуальные», «исключительные», «абсолютные», «нематериальные права» и др. Считается некорректным сравнение и тем более отождествление права собственности на вещи и на объекты интеллектуальных (исключительных) прав, поскольку к продуктам интеллектуальной деятельности непосредственно неприменимы такие правомочия права собственности как «владение» и «пользование». Это объясняется нематериальностью результатов интеллектуальной деятельности.

Таким образом, при рассмотрении сущности исключительных прав сторонники «идеальной» концепции практически всегда используют сопоставление их содержания с классической триадой правомочий вещной собственности, т.е. им не удается уйти от влияния права собственности на материальные объекты, теоретически обосновать имущественную составляющую интеллектуальных прав.

«Вещный» подход признает существенное сходство и юридически значимую аналогию права интеллектуальной собственности с правом собственности на вещи. Для анализа особенностей структуры имущественных правомочий интеллектуальной собственности используется классическая триада правомочий вещественной собственности. Интеллектуальная собственность определяется как отношения владения, пользования, распоряжения идеальными объектами, выраженными в каких-либо объективных формах, воплощающих научно-техническое, литературное и иное творчество, или индивидуализирующих субъектов и их продукцию. Владение интеллектуальной собственностью при этом понимается как нахождение материалов (монографии, научного отчета, лабораторного макета, бумажной записи программы, художественного изображения товарного знака и т.п., т.е. материальной оболочки) в обладании субъекта интеллектуальной собственности, с чем трудно согласиться. Следовательно, содержание правомочия «пользование» однозначно связывается только с эксплуатацией материальных носителей творчества, что также вызывает сомнения автора. Под правомочием «распоряжение» понимается предоставленная законом возможность определения юридической судьбы объекта интеллектуальной собственности, т.е. уступка прав собственности либо предоставление частичных правомочий.

Согласно безразличной концепции право интеллектуальной собственности рассматривается как полный набор возможных правомочий, которые исходно сконцентрированы в руках собственника, а затем в процессе вовлечения интеллектуальной собственности в коммерческий оборот распределяются между субъектами такого оборо-

та. Подобный подход к регулированию прав собственности (исходя из опыта работы патентного отдела АМГУ, включая и опыт автора по созданию объектов интеллектуальной собственности) оказывается продуктивным на практике, поскольку в каждом отдельном случае дается точное определение конкретной композиции распределения правомочий по использованию и распоряжению правами на текущий момент времени, а также определяется состав лиц, обладающих каждым элементом таких прав. Однако безличная концепция предназначена для решения конкретных ситуаций в сфере интеллектуальной собственности, а ее теоретическое значение для анализа феномена интеллектуальной собственности невелико.

На основе изложенного можно сделать вывод, что существующие концепции права интеллектуальной собственности не имеют обобщенного подхода к вещной и интеллектуальной собственности, нет его ни в законодательстве, ни в работах ученых, посвященных праву вещной собственности.

Феномен интеллектуальной собственности, находясь в процессе постоянного изменения и динамичного развития, сложен и противоречив, до конца не изучен, многие его стороны еще предстоит исследовать. Однако подытоживая вышесказанное, мы видим, что сегодня проблемы интеллектуальной собственности с определенных позиций – философской, правовой, экономической, социальной и психологической – оказались освещенными наиболее полно.

Так, большое значение в философском обосновании и осмыслении вопросов интеллектуальной собственности имеют работы Г.В.Ф. Гегеля, А. Моля, Дж. Локка, Н. Кейзерова, А. Венгерова, К. Исупова, О. Городова, А.М. Орехова, В.М. Мамаева, С.В. Геллера, Н.К. Оконской, А.Г. Глинчиковой, Л.Н. Захаровой, Б.С. Розова, Г.В. Бромберга, Д.В. Ломакина, К.К. Кочеткова, В.Н. Барякина, В.И. Смирнова, Дж.П. Барлоу, Б.Б. Леонтьева, Т. Гордиевич, В. Форстмана, Н.Л. Сенниковой и др.

Поскольку впервые феномен интеллектуальной собственности появился в России лишь в начале 90-х гг. прошлого века как юридическое понятие, сегодня наиболее проработанной оказалась юридическая сторона интеллектуальной собственности. Правовой аспект освещен в работах А.П. Сергеева, Л. Гальперина, Л. Михайловой, А. Венгерова, С. Ульяничева, В.А. Рассудовского, А.Н. Козырева, А.Д. Корчагина, Г. Виталиева, В. Белова, Г. Денисова, Н.В. Золотых, А. Раздолина, В.Н. Барякина, С. Петровского, Н.В. Лыникова, В.А. Дозорцева, Б.Б. Леонтьева, В.И. Еременко, О.В. Ревинского, Н.Л. Сенниковой и др.

В связи с модернизацией современных информационно-индустриальных рыночных отношений и формированием инновационной экономики России особую важность приобретает экономическая сторона феномена интеллектуальной собственности. Вопросы реализации интеллектуальной собственности в экономическом обороте прослеживаются в работах Л. Маршалла, В.А. Рассудовского, А.М. Орехова, Дж.П. Барлоу, В.Н. Барякина, А. Кулагина, В. Белова, Г. Денисова, А.М. Раздолина, В.К. Андреева, Г.В. Бромберга, Б.С. Розова, Л. Кравца, И. Росса, Ю. Конова, Н. Борщ-Компанейца, Б.Б. Леонтьева, Т. Гордиевич, Е. Яковлевой, Н.Л. Сенниковой и др.

Социальный аспект феномена интеллектуальной собственности затронут в работах А. Моля, Л.Н. Захаровой, В.Ф. Анурина, Н.К. Оконской, Б.Б. Леонтьева.

Психологическая функция интеллектуальной собственности, заключающаяся в формировании высокой корпоративной культуры индивидуального и массового творчества, обозначена Б.Б. Леонтьевым.

Но основной и безусловный вывод обзора представленных концепций феномена интеллектуальной собственности заключается в том, что объектами этой собственности, по мнению всех без исключения авторов, являются

результаты творческой деятельности человека, его интеллектуального труда, т.е. имеется прямая и непосредственная связь между творчеством и интеллектуальной собственностью.

Однако ни один из специалистов в области интеллектуальной собственности не упомянул об обратной связи, и, таким образом, оказался совершенно неосвещенным вопрос о наличии (или отсутствии) обратной связи между интеллектуальной собственностью (изучением ее и ее объектов) и творчеством (процессом развития творческих способностей субъекта и их реализацией в объектах интеллектуальной собственности). По существу, это вопрос о наличии (или отсутствии), наряду с социальной и психологической функциями, также и педагогической функции интеллектуальной собственности. Имеется ли, а если есть, то каково влияние интеллектуальной собственности на становление, развитие и воспитание молодого специалиста, в частности инженера легкой промышленности или дизайнера?

Более детальное исследование взаимосвязи интеллектуальной собственности и системы формирования буду-

щего специалиста легкой промышленности – цель следующей нашей работы.

Е.Н. Шахов

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Question is considered in article about correlation notion «intellectual property» and «exclusive rights» in civil legislation of Russia.

В последнее время наблюдается всплеск научно-исследовательского интереса к проблемам гражданско-правового регулирования вопросов, связанных с интеллектуальной деятельностью. В геометрической прогрессии растет количество журнальных и монографических публикаций, появляются учебники и учебные пособия, все чаще высказывается мнение о необходимости выделить новые правовые отрасли: информационное право, право Интернета, право интеллектуальной собственности и пр.

Это объясняется рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, бурно нарастающими общемировыми изменениями в производственных, организационных, коммуникационных технологиях, получившими отражение в теориях информационного общества. С. Глазьев на основе анализа основных концепций информационного общества составил список присущих ему характеристик¹:

1. Рост сектора услуг и роли услуг в промышленности и сельском хозяйстве.

2. Господство постфордистской экономики (гибкость производства, гибкость потребления и гибкость рынков). Интенсификация процесса глобализации.

3. Распространение гибкой специализации и гибкой занятости.

4. Трансформация категорий пространства и времени под влиянием информационных технологий. Формирование пространства потоков и вневременного времени.

5. Господство сетевых форм организации и деятельности. Разрушение привычных иерархий. Повышение роли вопросов идентичности в «сетевом мире».

6. Расширение сферы действия рыночных критериев (включение в эту сферу информационных аспектов жизни общества).

7. Возникновение информационного неравенства, которое, накладываясь на традиционное неравенство, углубляет социальную дифференциацию.

8. Рост количества информационного мусора. Рас-

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть IV (принят Государственной Думой 24 ноября 2006 г.).
3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи классификации. Сборник статей. – М.: Статут, 2003.
4. Еременко В.И. Интеллектуальная собственность и исключительные права в законодательстве Российской Федерации // Изобретательство. – Т. VIII. – 2008. – № 5. – С. 1-8.
5. Интеллектуальная собственность: Основные материалы. В 2-х частях. Ч. 2 / пер. с англ. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993.
6. Козырев А.Н. Оценка интеллектуальной собственности. – М.: Экспертное бюро-М, 1997.
7. Конституция (Основной Закон) Российской Федерации (Принята 12 декабря 1993 г.).
8. Ревинский О. Что регламент грядущий нам готовит? // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 7. – С. 39-52.
9. Сенникова Н.Л. Концептуальный подход к праву интеллектуальной собственности // Патенты и лицензии. – 2008. – № 4. – С. 22-26.
10. Форстман В. О сущности исключительных прав и права собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 9. – С. 20-29.

ширение масштабов манипуляции информацией («управление восприятием») и кризис сферы публичной информации.

9. Резкое повышения объемов и качества отслеживания со стороны государства и корпораций. Возникновение попыток ответного отслеживания и контроля со стороны граждан.

10. Возникновение нового типа войн – информационных войн.

Все эти изменения требуют адекватного правового регулирования.

Во-вторых, существенным фактором, воздействующим на развитие отечественного законодательства и правовой мысли в исследуемой сфере, является международное влияние, связанное с дисбалансом интересов стран – экспортеров и импортеров интеллектуального продукта. По данным Всемирного банка, на долю США приходится 34% мирового рынка информационно-телекоммуникационных технологий, на Европу – 29%, Японию – 12%, на остальные страны мира – 25%. Страны – члены ОЭСР осуществляют 85% совокупных мировых инвестиций в науку, 11% – Индия, Китай и Бразилия и новые промышленно развитые страны Восточной Азии, 4% – остальные страны мира.

На защиту и охрану интересов стран, в которых концентрируется производство интеллектуального продукта, направлена деятельность многочисленных международных организаций, основными из которых являются Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Всемирная торговая организация (ВТО), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), в соответствии с которым условия членства в ВТО являются приверженность страны к основным международным договорам, готовность обеспечить соответствующий уровень ее охраны, применение эффективных механизмов принудительного исполнения договорных обязательств.

В-третьих, национальные особенности современной российской экономической, политической и социальной ситуации, обусловленные задачами переходного периода, также являются фактором, стимулирующим научные исследования правовых аспектов интеллектуальной собственности. Необходимость построения наукоемкой, инновационной экономики, демократизация государственной жизни (в том числе посредством использования Интернет-технологий) и, таким образом, возможность снижения социальной напряженности – явления, требующие